

О СВОЕОБРАЗИИ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918 г. В ГЕРМАНИИ

В. И. Биллик

Уже твердо установлены важнейшие факты из истории революции 1918—1919 гг. в Германии. Несмотря на это, ряд теоретических проблем революции остается еще невыясненным.

В течение десятилетия, предшествовавшего первой мировой войне, в Германии назревал революционный кризис; прерванный войной, он вновь усилился с 1916 г. и разразился революцией 4 ноября 1918 года¹. Бесспорное нарастание революционного кризиса в предвоенный период свидетельствует о беспочвенности попыток врагов революции доказать, будто она была вызвана исключительно поражением Германии в войне². Буржуазные и социал-демократические политики и историки усматривают единственную причину революционного подъема в усталости народных масс от войны. Это, однако, противоречит фактам; послевоенная пресса всех направлений убедительно свидетельствует, что основным чувством, которое в то время владело немецкими рабочими, было недовольство, разочарование, возмущение капиталистическим строем. Самым популярным лозунгом рабочего класса был социализм³. С этим вынуждено было считаться созданное революцией социал-демократическое правительство. В его первом заявлении было сказано, что оно «ставит перед собою задачу осуществить социалистическую программу»⁴.

В 1918—1919 гг. требование социализации и попытки осуществить ее кое-где явочным путем были настолько сильны, что даже капиталистам приходилось серьезно считаться с возможностью социализации. Так, например, в передовой статье буржуазной газеты «Vossische Zeitung» от 29 ноября 1918 г. говорилось: «Руководящим кругам буржуазии совершенно ясно, что сегодня речь идет не о том, должна ли быть социализация или нет, а о том, как она будет осуществляться». Известно, какие широкие размеры приняла в Германии в первые месяцы 1919 г. «плакатная социализация» — демагогическая агитация, с помощью которой правительство Шейдемана и главари профсоюзов пытались уверить рабочих, будто «социализация уже начинается». Это делалось для того, чтобы отвлечь рабочих от действительной социализации и выиграть время для консолидации сил контрреволюции. На выборы в Учредительное собрание социал-демократическая партия большинства (шейдемановцы) и «независимая» социал-демократия шли под лозунгами замены капиталистического строя социалистическим.

Исходя из всех этих фактов, Э. Тельман в 1928 г. говорил: «...Не только окончание войны нет, — уничтожение всей капиталистической системы и установление социализма на обломках обанкротившегося буржуазного общества — такова была цель, к которой стремились широкие массы трудящихся. Но каковы пути, ведущие к этой цели, большинство немецких рабочих еще не представляло, была неуверенность и неясность»⁵.

Итак, германский рабочий класс поднялся в ноябре 1918 г. на революцию не только с тем, чтобы выйти из войны и свергнуть монархию, но и с тем, чтобы заменить капитализм социализмом. Ноябрьская революция, возникнув и развиваясь под

¹ О внутреннем революционном кризисе в Германии с конца 1918 г. см. В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 487; т. 28, стр. 82.

² См. ноту Антанты Германии от 16 июня 1919 г. (приведена у Е. Тарле в работе «Кризис Германии». Петроград. 1924, стр. 9; см. также Ph. Scheidemann. Memoirs of Social-Democrat. Vol. 2. London. 1929, p. 506; R. T. Clark. The fall of the German Republic. London. 1935, p. 23.

³ Не случайно Шпенглер пытался доказать, что германский империализм — не что иное, как самый подлинный социализм (см. О. Шпенглер. Пруссачество и социализм. Пгтр. 1922, стр. 6), не случайно и фашисты кощунственно называли себя «социалистами».

⁴ «Vorwärts», 13 ноября 1918 года.

⁵ Э. Тельман. Боевые речи и статьи. М. 1935, стр. 51.

сильным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции⁶, была ярким и значительным проявлением общего кризиса капитализма.

Перед Германией в конце 1918 г. в качестве исторической задачи и возможности стояла социалистическая революция. Предпосылки для осуществления этой задачи заключались в следующем: 1) наличие развитых производственных и общественно-хозяйственных условий; 2) глубокий кризис в лагере правящих классов, в частности серьезный кризис прусского милитаризма; 3) временное разобщение «верхов» буржуазии и юнкерства и обычно послушной мелкобуржуазной массы; 4) активность «низов» и их готовность к борьбе; 5) стремление пролетариата, поддерживаемого значительной частью интеллигенции и служащих⁷, к социализму; 6) наличие оружия у пролетариата и умение им владеть; 7) возможность для революционной Германии объединить свои усилия с Советской Россией; 8) огромное влияние Октября на развитие революционной энергии трудящихся в Германии; 9) возможность для германских коммунистов опереться в своей деятельности на опыт трех русских революций XX в., на годичный опыт победоносной Советской власти в России, на теорию ленинизма и конкретные указания Ленина.

Наряду с задачами социалистической революции перед Германией в 1918 г. стоял еще ряд нерешенных буржуазно-демократических задач — уничтожение полуабсолютистской монархии, свержение установившейся во время войны диктатуры военной клики, революционный выход из империалистической войны, а также демократизация общественной жизни, государственного аппарата, армии и ликвидация юнкерского землевладения. Если решение первых трех задач в 1918 г. практически должно было явиться первым шагом для любой революции в Германии (и эти задачи действительно были решены в первые дни революции), то последние две задачи, требующие большего времени для своего разрешения, могли быть в условиях Германии 1918—1919 гг. лишь побочными следствиями социалистической революции. В эпоху империализма невозможно было замахнуться на собственность юнкеров в Германии, не замахнувшись одновременно на собственность монополистов. В условиях обостренной классовой борьбы, при стремлении рабочих к социализму и при наличии Советов, невозможно было осуществить демократизацию государственного аппарата и армии без того, чтобы эти действия не переросли в ломку старого государственного аппарата и в превращение Советов в органы власти⁸.

Коренным (главным) вопросом всякой революции является вопрос о власти. Для Германии в 1918 г., по мнению В. И. Ленина, главным вопросом революции был вопрос: «Учредительное собрание или власть Советов?»⁹. На всех собраниях и в газетах всех направлений изо дня в день прежде всего и главным образом обсуждался именно этот вопрос, который после свержения монархии являлся политическим выражением проблемы перерастания буржуазной революции в социалистическую. Значение этого главного политического вопроса для Германии с первых же дней революции сознавали как руководящие деятели буржуазии и шейдемановцы, так и спартаковцы¹⁰. Шейдемановцы, ратуя за Учредительное собрание, старались доказать, что оно представляет лучший путь к социализму¹¹; спартаковцы же неизменно доказывали, что Учредительное собрание будет могилой социалистических надежд рабочего класса¹². Подавляющее же большинство немецких рабочих, запутанное «независимы-

⁶ См. специальную работу по этому вопросу: K. M a m m a c h. Der Einfluss der russischen Februarrevolution und der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse. Februar 1917—Oktober 1917. Berlin. 1955.

⁷ См. Э. Тельман. Указ. соч., стр. 52; O. G r o t e w o h l. Dreißig Jahre später. Berlin. 1953, S. 95.

⁸ В этой связи мы полагаем ошибочным следующее утверждение А. Нордена: «Коммунистическая партия Германии не понимала, что сначала нужно ликвидировать феодальные пережитки в сельском хозяйстве, в государственном и военном аппарате, словом, завершить буржуазную революцию... что только завершение буржуазной революции создает предпосылки для победы социализма» (А. Н о р д е н. Уроки германской истории. М. 1948).

⁹ См. В. И. Л е н и н. Соч. Т. 28, стр. 345, 409.

¹⁰ См., например, «Vossische Zeitung», 6 и 13 ноября 1918 г., «Vorwärts», 13 ноября 1918 г.; «Rote Fahne», 10 ноября 1918 года.

¹¹ См. «Vorwärts» за ноябрь — декабрь 1918 г., январь 1919 года.

¹² См. «Rote Fahne» за ноябрь — декабрь 1918 г., январь 1919 года.

ми», в течение всей революции так и не понял истинного назначения Советов как органов власти, несовместимых с буржуазным парламентом. Но всегда в основе вопроса «Учредительное собрание или власть Советов?» был вопрос о социализме.

Из сказанного о причинах Ноябрьской революции и о главной задаче, стоявшей перед Германией накануне революции, явствует, что главным социальным вопросом этой революции был вопрос о социализме¹³, и этот вывод отнюдь не предвещает ответа на вопрос о характере революции, ибо характер революции не определяется ни ее задачами, ни ее результатами (революция может потерпеть поражение), ни субъективными стремлениями большинства рабочего класса, а лишь содержанием действительной борьбы.

Своеобразие Ноябрьской буржуазно-демократической революции заключается прежде всего в том, что она совершалась тогда, когда, несмотря на ряд нерешенных демократических задач, на «повестке дня истории» перед Германией в качестве главной задачи стояла не буржуазная, а социалистическая революция, для которой уже созрели объективные условия. Важное своеобразие Ноябрьской революции в отличие, например, от революции XVIII в. во Франции и от революции 1905 г. в России состоит также в том, что в то время, как в двух последних революциях большинство народа действительно вело борьбу за решение главного социального вопроса этих революций — аграрного, в Ноябрьской революции большинство рабочего класса не вело реальной борьбы за социализм, что придавало бы уже социалистический характер революции. Лишь меньшинство рабочего класса под руководством спартаковцев-коммунистов в 1918—1919 гг. мужественно сражалось за социалистическую революцию.

Наконец, важной особенностью Ноябрьской революции являлось то, что это была ярко выраженная антимилиитаристская революция¹⁴.

Таким образом, главный вопрос революции можно рассматривать трояко: во-первых, как главную политическую задачу в области изменения надстройки, что означало для Германии 1918—1919 гг. вопрос «Советы или Учредительное собрание?»; во-вторых, как главную социальную задачу, решение которой объективно уже созрело и решить которую субъективно стремились народные массы, что означало для Германии 1918—1919 гг. социализацию, и, в-третьих, главный вопрос революции можно видеть в содержании действительной борьбы, сводившейся для большинства рабочего класса во время Ноябрьской революции после свержения монархии лишь к давлению на правительство с целью добиться социализации и удовлетворения других требований и к борьбе против отдельных мероприятий правительства, но отнюдь не к слому старого государственного аппарата и укреплению Советов как органов власти. Вопрос о том, перед какой же революцией стояла Германия в конце 1918 г., — перед социалистической или перед буржуазной, — остается в статье Я. С. Драбкина неясным. Утверждение его, что революция в Германии могла начаться только как революция демократическая (стр. 81), является, по нашему мнению, необоснованным. Социалистическая революция не может победить без пролетарской марксистско-ленинской партии, но это не значит, что она не может без нее начаться.

¹³ В отличие от Франции конца XVIII в. и России 1905—1907 гг. в Германии аграрный вопрос — хотя и наиболее серьезный из нерешенных задач буржуазной революции после свержения монархии — не был главным вопросом революции уже в 1848 г., а к 1918 г. его значение в силу экономической и социальной структуры Германии стало еще меньше. По «приблизительным подсчетам» Я. С. Драбкина, численность крестьян составляла в 1919 г. в Германии 20—25% общего состава населения, а численность рабочих — 55% (?) (см. Я. С. Драбкин. О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии. «Вопросы истории», 1956, № 5, стр. 79. В дальнейшем ссылки на страницы указываются в тексте). Мы полагаем, что на основании данных германской статистики можно установить точные цифры: крестьян — 20%, наемных рабочих (вместе с семьями) в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и транспорте — 45% (см. «Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich». 1920; Handwörterbuch des Staatswissenschaften. Bd. 2. 1924, S. 692—733; W. Woynitsky. Die Welt in Zahlen. Bd. 2. Berlin. 1926, S. 12; Энциклопедический словарь Гранат. Т. 34, стр. 680—681).

¹⁴ Это подтверждается периодической печатью того времени и мемуарами почти всех друзей и врагов революции.

Периодизация Ноябрьской революции, изложенная в статье Я. С. Драбкина, является, по нашему мнению, правильной, хотя к обоснованию этой периодизации и к характеристике отдельных этапов революции могут быть сделаны некоторые добавления¹⁵. Обоснование периодизации революции, как мы полагаем, должно исходить из оценки действий движущих сил революции и результатов их борьбы с контрреволюцией. Вехами, отделяющими один период революции от другого, должны быть события, создающие новую политическую ситуацию.

Соответственно мы полагаем, что первым периодом Ноябрьской революции был период восстания продолжительностью в 8 дней (от начала революции — восстания в Киле 4 ноября — до свержения монархии Гогенцоллернов 9 ноября, образования правительства — Совета народных уполномоченных — 10 ноября и заключения перемирия 11 ноября), после чего произошло резкое замедление темпов революции и изменение форм борьбы.

Провозглашение республики знаменовало серьезное изменение в политической надстройке, а повсеместное образование Советов, обладавших в первые дни революции реальной силой и властью¹⁶, образование внепарламентским, революционным путем нового правительства, невозможность созвать рейхстаг — все это означало, что главный политический вопрос революции в целом: «Советы или буржуазный парламент?» — на этом, первом этапе революции был, хотя и временно, в известной мере решен в пользу Советов.

Вывод этот подтверждается также обширным фактическим материалом, приведенным в указанной выше статье Марион Айнхорн. Автор убедительно аргументирует свой тезис о том, что в начале революции, «в течение короткого времени», в Германии было двоевластие. Однако М. Айнхорн не уточняет, какие же две власти противостояли друг другу. Мы полагаем, что Совет народных уполномоченных, пользовавшийся поддержкой буржуазии и юнкерства и доверием большинства народа, противостоял в то же время значительной части местных Советов и большинству рабочего класса, возражавших против политики, проводимой Советом народных уполномоченных.

Утверждение же Я. С. Драбкина, что «революционные рабочие и солдаты, только что свергнувшие юнкерски-монархический режим, не сумели взять реальную власть в свои руки» (стр. 82), является, как мы полагаем, неверным, поскольку это касается очень многих местных Советов, так же, как неверно утверждение Я. С. Драбкина, что «с образованием правительства Эберта — Гаазе вопрос о власти был в основном решен» (стр. 83) и притом в пользу буржуазии.

Несмотря на свержение монархии и крушение военной диктатуры, власть осталась в руках прежних правящих классов в том смысле, что они не были экспропрированы, не был сломлен старый государственный аппарат и возникшее в результате революции социал-демократическое правительство было правительством, по существу, буржуазным и проводило политику спасения капитализма¹⁷.

Однако важной особенностью Ноябрьской революции является то, что буржуазия и юнкерство уже не могли осуществлять свою власть непосредственно, а вы-

¹⁵ В наиболее подробной марксистской работе по истории Ноябрьской революции, «*Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution*». Berlin. 1929, в качестве последних событий революции рассматриваются рурские бои 1920 года. Большинство авторов считает окончанием революции начало работы Учредительного собрания (шейдемано-вен Н. Müller. *Novemberrevolution*. Berlin. 1928, S. 285; буржуазный автор E. Menke-Glückert. *Die Novemberrevolution*. Leipzig. 1919) или апрельские бои 1919 г. (К. Haenisch. *Die Ursachen der deutschen Revolution*. «*Handbuch der Politik*». Bd. 2. Berlin—Leipzig. 1920. S. 256; W. Ziegler. *Die deutsche Nationalversammlung 1919—1920 und ihr Verfassungswerk*. Berlin. 1932, S. 16. Наряду с этими буржуазными авторами см. К. Шелавин. *Авангардные бои западноевропейского пролетариата*. Ч. 2. Л. 1930, стр. 267). События от начала революции до образования Совета народных уполномоченных в большинстве случаев рассматриваются как самостоятельный этап.

¹⁶ См. O. Grotewohl. Указ. соч., стр. 72; см. также Marion Einhorn. *Zur Rolle der Räte im November und Dezember 1918*. «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*», 1956, № 3.

¹⁷ В то же время соотношение сил было таково, что монополисты, по удачному выражению Р. Мюллера, «не знали, что будет с ними завтра» (R. Müller. *Bürgerkrieg in Deutschland*. Berlin. 1925, S. 204).

нуждены были управлять через социал-демократию. Это свидетельствовало, с одной стороны, о том, что в 1918 г. у рабочего класса имелись большие возможности уничтожить империализм и милитаризм в своей стране, с другой стороны, что империализм и милитаризм в Германии спасла в 1918 г. социал-демократия. Тот факт, что рабочий класс после свержения монархии вручил власть шейдемановцам и «независимым», объясняется (так же, как и итоги революции в целом) отсутствием массовой революционной партии, а также давними и прочными связями рабочего класса с социал-демократией, с которой рабочие, во имя единства своих рядов, не решались порвать, надеясь, что, получив власть, лидеры социал-демократии осуществят социалистические идеалы пролетариата.

В тот же период в качестве ближайшей исторической и практической задачи были решены неразрывно переплетенные между собою вопросы о мире и монархии (которые правящие круги и лидеры шейдемановцев тщетно пытались подменить «вопросом о кайзере»). Характеризуя обстановку накануне и в начале Ноябрьской революции, Я. С. Драбкин правильно отмечает, что «германская буржуазия уже накануне революции стремилась использовать в своих корыстных целях фальсифицированные ею требования мира и демократии» (стр. 80). Но одновременно необходимо подчеркнуть, что буржуазии, шейдемановцам и правым «независимым» лишь во втором и третьем периодах революции удалось в известной мере использовать в своих целях лозунг мира, запугивая рабочий класс возобновлением войны со стороны США и Антанты в случае, если германские рабочие последуют «русскому примеру». Попытки же контрреволюции в октябре и начале ноября перехватить у масс лозунг мира с тем, чтобы предотвратить революцию, не увенчались успехом. Массы не верили в способность старого режима заключить мир. В глазах народа старый режим и правящие классы были скомпрометированы.

Главной движущей силой Ноябрьской революции был рабочий класс, что объясняется его решающим удельным весом в социальной структуре Германии, организованностью и наибольшей заинтересованностью в революции, а также наличием энергичного и мужественного революционного меньшинства. Особенностью первого периода революции являлось единство рабочего класса в борьбе за мир и за свержение монархии, а также то, что рабочий класс играл роль гегемона по отношению к мелкой буржуазии, которая в первый период также являлась движущей силой революции, о чем свидетельствует активная роль солдат и матросов в начале революции¹⁸. Указывая на это обстоятельство, Я. С. Драбкин ничего не говорит о социальном составе армии. Между тем, если учесть, что численность мелкой буржуазии в Германии приблизительно равнялась численности наемных рабочих, то можно сделать вывод, что примерно половина рядового состава армии, насчитывавшей к концу войны около 8 млн. человек¹⁹, представляла собою выходцев из мелкой буржуазии.

Поведение в период революции той части мелкой буржуазии (городской и сельской), которая не была в армии, еще недостаточно изучено. По авторитетным свидетельствам Э. Тельмана и О. Гротеволья, отношение мелкой буржуазии и крестьянства к революции было по меньшей мере сочувственным²⁰. В противном случае невозможной была бы быстрая и легкая победа революции.

Рассматривая пролетариат как гегемона революции на первом ее этапе, следует подчеркнуть, что речь идет о революции, в которой буржуазия с самого начала была силой контрреволюционной, что рабочий класс на этом этапе действовал не под руководством шейдемановцев, а вопреки им, что в лице «независимой» социал-демократии, точнее, ее левого крыла, в которую тогда входили и спартаковцы, рабочий класс имел партию, которая в известной мере была организатором и руководителем масс в борьбе против старого порядка²¹. Однако единство действий рабочего класса

¹⁸ Несколько неточно утверждение Я. С. Драбкина, будто вопрос о движущих силах Ноябрьской революции вызывает «серьезные споры» (стр. 81). Разногласия имеются лишь по вопросу о роли мелкой буржуазии и о том, можно ли считать пролетариат гегемоном Ноябрьской революции.

¹⁹ E. Voßkmann. Der große Krieg. 1914—1918. Berlin. 1924, S. 300.

²⁰ Э. Тельман. Указ. соч., стр. 51; О. Гротеволь. Указ. соч., стр. 67, 71.

²¹ Я. С. Драбкин, отмечая, что массы поднялись на революцию вопреки социал-демократическим лидерам (стр. 82), не проводит никакого различия между лидерами шейдемановцев и лидерами левых «независимых», с чем никак нельзя согласиться.

оказалось нарушенным на следующий же день после свержения монархии из-за того, что и шейдемановцы и «независимые» отказались поддержать лозунг спартаковцев «Вся власть Советам!». О расколе рабочего класса убедительно свидетельствует пресса всех трех направлений в рабочем движении. Весьма интересным документом в этом отношении является письмо левых радикалов из Гамбурга в редакцию «Rote Fahne» от 27 ноября 1918 г., в котором сказано: «После единства «независимых» и левых радикалов в первые дни революции,— теперь здесь, как и в Берлине, разгорелся бой между двумя направлениями. Мы, левые радикалы, требуем диктатуры пролетариата и боремся против опасности введения буржуазного парламентаризма»²². В это время «независимые» поддерживали правительство Эберта — Гаазе и, по сути дела, сводили на нет роль Советов.

В первый период революции самыми мужественными и энергичными борцами за ее победу были спартаковцы. Деятельность «группы Спартак» в годы войны в значительной мере способствовала победе революции, но в результате малочисленности спартаковцев и слабости их организационных связей с рабочим классом не приходится говорить об их решающей роли в победе революции. Первая серьезнейшая тактическая ошибка спартаковцев заключалась в том, что свой отказ войти в правительство они обосновали не программными и тактическими разногласиями с шейдемановцами, а персональным недоверием к ним, что не было понято упоенными победой широкими массами рабочих, которые ошибочно требовали «единства во что бы то ни стало!». Оценка спартаковцами шейдемановцев как контрреволюционеров была, конечно, правильной, но они преувеличивали масштабы разрыва между массами и лидерами шейдемановцев на первом этапе революции. Объяснение этой ошибки кроется отчасти в том, что в самый первый момент после успешного восстания против войны и монархии, которое совершилось вопреки лидерам шейдемановцев, действительно трудно было определить тот предел, дальше которого массы не пойдут против шейдемановцев.

Второй период Ноябрьской революции охватывает события от заключения перемирия до выборов в Национальное собрание (19 января 1919 г.). Беспрепятственные выборы и их итоги являлись в значительной мере следствием январского поражения революционной части пролетариата в Берлине. Результаты январских боев означали серьезное изменение в соотношении сил в пользу контрреволюции, поскольку революционный авангард был ослаблен, а буржуазия и юнкерство активизировались, мелкая же буржуазия была отброшена вправо, о чем свидетельствовали итоги выборов. Контрреволюция, способная вести вооруженную борьбу с революционной частью рабочих, обрела массовую базу. Слабость Ноябрьской революции проявилась в том, что убийство вождей рабочего класса — Карла Либкнехта и Розы Люксембург — не вызвало движения протеста по всей стране²³. Отдельные, разрозненные выступления рабочих во время нового подъема массового движения обуславливались местными причинами.

Итоги выборов создавали новую политическую ситуацию. Они знаменовали восстановление «нормальных» форм буржуазного государства и в то же время, разочаровав рабочих, способствовали новому оживлению идеи Советов на третьем этапе революции.

Если первый период Ноябрьской революции полностью подтвердил предвидение В. И. Ленина о неизбежности народной революции в Германии²⁴, о неизбежности взрыва огромной революционной силы²⁵, то после первого стихийного революционного взрыва в начале ноября темпы развития революции явно замедлились: восстание закончилось, большинство рабочего класса вплоть до начала января 1919 г. не предпринимало новых вооруженных действий, направленных к дальнейшему развитию революции.

Причины этого явления следующие: во-первых, свержение монархии и окончание войны, что устранило одну из основных побудительных причин революционной активности, во-вторых, отсутствие сопротивления со стороны буржуазии и юнкерства.

²² Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 210, д. 1445.

²³ См. W. Pieck. Reden und Aufsätze. Berlin. 1948, S. 204.

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 95.

²⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 505—506.

в-третьих, быстрое и легкое решение многих буржуазно-демократических задач, в-четвертых, самый факт образования «своего» социал-демократического правительства.

На первом Всегерманском съезде Советов шейдемановцы и «независимые» провели решение о возврате к буржуазному парламентаризму²⁶. Тем самым съезд способствовал расколу рабочего класса Германии. Рабочие, шедшие за спартаковцами, повели борьбу против Учредительного собрания, за власть Советов, пытались перевести события на рельсы пролетарской революции; рядовые члены партии «независимых» и связанные с ними рабочие с колебаниями поддерживали спартаковцев, но большинство рабочего класса шло за шейдемановцами и склонно было ждать Учредительного собрания.

В то же время ухудшающееся экономическое положение, политика шейдемановского правительства, направленная против экономических и политических требований рабочих, усиливавшиеся провокационные действия контрреволюции способствовали обострению классовой борьбы, росту активности и полевению рабочего класса. Основными требованиями рабочих во второй период революции были: социализировать промышленность, разоружить офицерство и белогвардейские банды, создать народную армию, повысить заработную плату, восстановить дипломатические отношения с Советской Россией. Все эти лозунги выдвигали перед рабочими спартаковцы, но действия рабочего класса ограничивались в основном давлением на правительство и лидеров шейдемановцев путем митингов, демонстраций, стачек и попыток через голову реформистских профсоюзов установить контроль над производством. Спартаковцы призывали рабочих к борьбе под лозунгом «Вся власть Советам!», разоблачали измену шейдемановцев, их союз с капиталистами и военной, а также предательство и трусость «независимых». Однако большинство рабочего класса не понимало, что отдельные антиреволюционные действия шейдемановцев представляют собой часть их общей контрреволюционной программы. Несмотря на частые отдельные антиправительственные выступления под лозунгами спартаковцев, большинство рабочих все же надеялось, что их требования будут осуществлены шейдемановцами.

Овладев Советами, шейдемановцы всеми силами и средствами старались их уничтожить, опасаясь потерять над ними контроль. Лидеры шейдемановцев и «независимых» своими циркулярами неизменно ограничивали роль Советов, их «контрольные» функции, подрывали их авторитет²⁷.

Однако мы полагаем, что известная оценка в «Кратком курсе истории ВКП(б)» германских Советов как послушного орудия буржуазного парламента (стр. 221) не учитывает, что в разных местах Германии и в разное время в ходе революций Советы играли различную роль (М. Айнгорн справедливо отмечает, что если бы этот тезис был верен, то тогда лозунг спартаковцев «Вся власть Советам!» следовало бы считать ошибочным (М. Einhorn. Указ. соч., стр. 551). В Бремене, Руре и Мюнхене, где происходили локальные попытки пролетарских революций, рабочий класс пытался использовать Советы в качестве действительных органов власти. В начале революции повсеместное образование Советов привело к устранению рейхстага, прусского и некоторых других ландтагов, Бременского и Гамбургского сенатов. Вплоть до февраля 1919 г. в Германии не было парламента. Однако в масштабе всей страны юнкерско-буржуазный государственный аппарат не был сломан и пролетариат не освободился от парламентских иллюзий.

Уверяя рабочих, что правительство подготавливает социализацию, лидеры шейдемановцев и «независимых» убеждали их «не торопиться», используя выдвинутые Каутским предательские лозунги: «Сначала восстановление, потом социализация!», «Нельзя социализировать развалины!». Энергично спасая капиталистов от наступления рабочих, они боролись против «стачечного азарта», раскалывая тем самым пролетариат и натравливая мелкую буржуазию на рабочих.

Раскол рабочего класса и отсутствие революционной марксистско-ленинской пар-

²⁶ Это решение было predeterminedено предыдущей позицией обеих партий. Поэтому съезд не создавал новой политической ситуации.

²⁷ См., например, характерное решение Исполкома Советов от 23 ноября 1918 г. («Vorwärts», 24 ноября 1918 г.). Впоследствии правые лидеры социал-демократии хвастались своей деятельностью по разложению Советов (см. М. Солен. Die Arbeiter und Soldatenräte. «Handbuch der Politik». Bd. 2. 1920, S. 268).

ти привели к тому, что стихийно возникшая в начале революции гегемония пролетариата постепенно утрачивалась в течение второго периода революции. Мелкая буржуазия, наиболее приверженная к буржуазной демократии, откровенно выступила против Советов, повернув тем самым в сторону крупной буржуазии.

Третий период Ноябрьской революции охватывает события с момента выборов в Национальное собрание до поражения Баварской Советской республики 1—2 мая 1919 года. Политическая активность германского пролетариата значительно снизилась с мая 1919 г., буржуазия при решающем участии социал-демократии получила возможность закончить конституирование парламентской буржуазной республики. Мы полагаем, что Баварская Советская республика была кульминационным пунктом Ноябрьской революции. Поражение республики было концом революции.

Весь шестимесячный период — с 4 ноября 1918 г. по 2 мая 1919 г. — может быть назван Ноябрьской революцией, подобно тому, как К. Маркс говорил о февральской революции во Франции, имея в виду события с 24 февраля 1848 г. до 2 декабря 1851 года²⁸.

Основным содержанием третьего периода революции является гражданская война: с одной стороны, наступление контрреволюции с целью спровоцировать и разгромить революционных рабочих по частям до того, как они успеют организовать в общегерманском масштабе, с другой стороны, встречные боевые попытки революционного меньшинства пролетариата под руководством спартаковцев перевести события на рельсы социалистической революции. Эти попытки сплошь и рядом переплетались со стачечной борьбой, развернувшейся в этот период в значительно больших масштабах, чем в ноябре и декабре. Рабочим надоело ждать осуществления обещаний правых лидеров социал-демократии. Однако ни разу за все время революции стачечная борьба не поднималась до уровня всеобщей политической стачки²⁹.

Для классовой борьбы германского пролетариата в течение всей революции характерны раздробленность, неодновременность действий рабочих³⁰.

В ходе революции немецкие рабочие обнаружили неумение отвечать необходимым насилием на насилие контрреволюции³¹. Вожди, в том числе и «левые» «независимцы», были против насилия³². Если логикой борьбы «независимые» и вынуждались к насилию, то каждый раз они прежде всего стремились к переговорам. В результате неизменно выигрывали белогвардейцы, которые использовали время для подготовки нового удара. Главарь белогвардейских банд признают в своих мемуарах, что обычно они одерживали победы весьма малыми силами вследствие военной неорганизованности рабочих³³. Лишь против Баварской Советской республики контрреволюционеры бросили крупные силы, давшие им решающий перевес.

Ход гражданской войны подтверждал, что мелкая буржуазия перешла на сторону контрреволюции. Крестьянство, которое ожидало от революции аграрной реформы и смягчения хозяйственной политики военного времени, было обмануто в своих ожиданиях социал-демократией. Германский рабочий класс не оказал реальной помощи крестьянству в удовлетворении его стремлений. Спартаковцы-коммунисты не выдвинули действенной программы союза с беднейшим крестьянством. В итоге в германской революции 1918—1919 гг. не было союза рабочего класса и крестьянства.

В течение всего третьего периода революции продолжался процесс углубления

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. Госполитиздат. 1952, стр. 287—288.

²⁹ Интенсивность стачечного движения в Германии в 1919 г. была ниже, чем в России в 1905 году. Если в России отношение числа бастующих к общему числу рабочих, по сведениям, которые приводит В. И. Ленин, составляло 163%, а в центрах наиболее интенсивного стачечного движения — 400%, то для Германии соответствующие цифры равны 70% и 100%. См. В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 364, 367; см. также «Statistisches Jahrbuch für das deutsche Reich». 1928, S. 58—63.

³⁰ См. E. D r a h n. Revolutionschronik. Leipzig. 1920.

³¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 41.

³² См. об этом, например, выступление Доймига на II съезде Советов 10 апреля 1919 г. («2 Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов». Стенографический отчет. М. 1935, стр. 200).

³³ G. Maerker. Vom Kaiserheer zur Reichswehr Kap. VIII. Leipzig—Berlin. 1922; Kapitän Erhardt. Abenteuer und Schicksale. Berlin. 1924. S. 99; R. Manp. Mit Erhardt durch Deutschland. Berlin. 1921, S. 42.

разрыва между «вождями» и массами, который предсказал и на который неоднократно указывал В. И. Ленин³⁴, продолжался процесс полевения германского рабочего класса. Так, численность партии «независимых» с начала ноября 1918 до конца февраля 1919 г. увеличилась втрое³⁵. Но рост влияния «независимых» не способствовал переработке революции в социалистическую и лишь тормозил рост влияния Коммунистической партии Германии. Процесс полевения рабочего класса отставал по своим темпам и масштабам от тех задач, которые стояли перед германской революцией. Основная причина субъективной слабости германского пролетариата кроется в том, что подъем революционного движения в Германии в десятилетие, предшествовавшее мировой войне, был недостаточен для выработки и накопления германским рабочим классом необходимого собственного революционного опыта³⁶.

У большинства рабочих идея Советов ожила в третий период революции под расплывчатым и гибельным для пролетарской революции лозунгом «Признать Советы» вместо четкого, боевого лозунга спартаковцев «Вся власть Советам!». Лозунг «Признать Советы!» отражал стихийное влечение рабочих к Советам как орудию борьбы и форме государства пролетариата³⁷, но в то же время он не означал разрыва с парламентскими иллюзиями, в духе которых были воспитаны немецкие рабочие.

Воспользовавшись этим, лидеры социал-демократии решили исподволь умертвить Советы. С этой целью еще в декабре была выдвинута «независимыми», а затем в марте под давлением масс подхвачена и шейдемановцами³⁸ чудовищная, по словам В. И. Ленина, идея соединения Советов с Учредительным собранием, что на деле означало подчинение Советов буржуазному государству и лишение их всякого политического значения³⁹ «Независимые» в апреле 1919 г. под давлением снизу высказались даже за лозунг «Вся власть Советам!». Но при этом на II съезде Советов они устами вождя левых «независимых» Доймига отмежевались от «русского опыта»⁴⁰. Одобрение шейдемановцев было лучшим комментарием к выступлению Доймига.

В ходе революции в Германии только спартаковцы-коммунисты проявили себя истинными пролетарскими революционерами⁴¹. Заслуги спартаковцев перед рабочим классом (в период после свержения монархии) заключаются в том, что, во-первых, они на следующий же день после происшедшего переворота отчетливо сказали о всей его ограниченности⁴²; во-вторых, они были единственными, кто боролся за социалистическую революцию; в-третьих, только спартаковцы выдвинули решительную программу борьбы с контрреволюцией и последовательно разоблачали все происки реакции; в-четвертых, они были единственными, кто решительно осуждал гибельную для революции и тем самым для национальных интересов германского народа политику «западной ориентации», которую проводили лидеры социал-демократии и буржуазия, и энергично призывали к дружбе и к союзу с Советской Россией, хотя и не сумели связать задачу освобождения Германии от ига империалистов США и Антанты с революционной борьбой пролетариата; наконец, в-пятых, только спартаковцы-коммунисты признавали, что германская революция может и должна учиться у Великой Октябрьской социалистической революции и у русских большевиков (Роза Люксембург)⁴³, хотя всем богатством ленинизма спартаковцы полностью еще не овладели.

Однако влияние Коммунистической партии Германии на массы в 1919 г. возрастало медленно, отставая от потребностей революционного развития. Это объясняется многими причинами: реформистскими традициями рабочего класса, отсутствием у него собственного революционного опыта и естественной тягой рабочих к единству, умением оппортунистов обманывать рабочих, сдерживающим влиянием «независимых», террором против коммунистической партии со стороны контрреволюционного блока шейдемановцев и военщины, отсутствием у Коммунистической партии Германии доста-

³⁴ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 349; т. 30, стр. 36.

³⁵ H. Ströbel, Die deutsche Revolution. Berlin. 1922. S. 103.

³⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 394.

³⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 282.

³⁸ См. М. Соһен. Указ. соч., стр. 273, 274.

³⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 152, 363, 364; т. 28, стр. 445.

⁴⁰ «2 Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов», стр. 206.

⁴¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 409.

⁴² См. «Rote Fahne», 10 и 18 ноября 1918 года.

⁴³ См. Р. Люксембург. Речи. М.-Л. 1929, стр. 101.

точного политического опыта, что во многом обусловило и ряд допущенных ею ошибок, а также недостатком времени: быстрое изменение обстановки обгоняло рост сознательности рабочих масс.

Для правильной оценки тактики спартаковцев-коммунистов было бы небезинтересно обсудить следующий, спорный, на наш взгляд, тезис: «Борьба с оппортунизмом и реформизмом заставила коммунистов направить все свои силы против социал-демократических лидеров и, в первую очередь, против правительства Эберта — Шейдемана, неуклонно требуя его свержения, вместо того, чтобы объединить все силы рабочего класса и миролюбивого населения для разгрома реакции. Под этим лозунгом они должны были объединить большинство прогрессивных сил и заставить правительство выполнить предъявленные ему требования»⁴⁴. Верно то, что спартаковцы недооценивали значение демократических задач, оставшихся в Германии нерешенными после свержения монархии, и это способствовало тому, что сколько-нибудь длительное объединение мелкой буржуазии вокруг пролетариата оказалось невозможным. Однако неверно было бы рассчитывать, что можно было «заставить» правительства Эберта и Шейдемана довести до конца буржуазно-демократические преобразования. Правительства Эберта и Шейдемана были не менее, а скорее более реакционными, чем Временное правительство в России. Между тем известно, что В. И. Ленин резко выступал против иллюзии, будто бы Временное правительство способно дать народу мир, землю и свободу. В Германии в 1918—1919 гг., так же как и в России в тот период, доведение до конца буржуазно-демократических преобразований могло быть лишь побочным результатом социалистической революции.

Столкновение между рабочим классом, и особенно его революционной частью, и правительством Эберта и Шейдемана было неизбежным в результате политики, проводившейся лидерами шейдемановцев.

В. И. Ленин считал неправильным сводить все многообразие революций к одному лишь «противоположению буржуазной и пролетарской революции»⁴⁵. В этой связи Ленин говорил о народной, буржуазно-демократической революции, стличием которой является активное самостоятельное выступление громадного большинства народа со своими собственными экономическими и политическими требованиями и способность народа наложить отпечаток этих требований на весь ход революции.

Ленин дает этим самым общее определение буржуазно-демократической революции как для доимпериалистической эпохи, так и для эпохи империализма. Это определение достаточно гибко и широко для того, чтобы учесть своеобразие Ноябрьской революции в Германии.

Если бы мы отказались признать Ноябрьскую революцию буржуазно-демократической, то есть народной, мы тем самым умалили бы социалистические стремления и революционные традиции германского рабочего класса, мы игнорировали бы разрыв, существовавший во время революции 1918—1919 гг. между вождями и массами.

Важно резюмировать мнение В. И. Ленина о характере непосредственно Ноябрьской революции. Накануне революции в Германии, а также в 1918—1919 гг. В. И. Ленин говорил о пролетарской революции в Европе вообще, и особенно в Германии, как о возможности; в то же время В. И. Ленин постоянно указывал на опасности, которые стоят на этом пути: на отсутствие революционной партии, на реформистские и парламентские иллюзии рабочего класса, на измену лидеров социал-демократии и их влияние на большинство рабочего класса, на силу и опытность германских правящих классов⁴⁶.

Дальнейшие высказывания В. И. Ленина о революции в Германии 1918—1919 гг. свидетельствуют о том, что он рассматривал эту революцию как пролетарскую по своим основным силам, направлению (то есть целям.— В. Б.) и формам борьбы⁴⁷. В то же время ни одно из высказываний В. И. Ленина о Ноябрьской революции не позво-

⁴⁴ О. Grotewohl. Указ. соч., стр. 101.

⁴⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 388.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 93, 95, 450; т. 29, стр. 149; т. 30, стр. 391; т. 35, стр. 306.

⁴⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 454.

ляет говорить о том, что он считал, что в Германии в 1918—1919 гг. развернулась революция пролетарская по содержанию, то есть такая революция, которая вторгается в буржуазные производственные отношения и в которой большинство рабочего класса борется за диктатуру пролетариата⁴⁸. Социалистической революции в Германии не было.

Несомненно, что особенности Ноябрьской революции (стремление пролетариата к социализму, борьба меньшинства пролетариата за социалистическую революцию; с другой стороны, решающее влияние шейдемановцев, то есть буржуазное влияние, на большинство рабочего класса) затрудняют определение главного вопроса и характера Ноябрьской революции. Но необходимо подчеркнуть, что различные оценки характера Ноябрьской революции, имевшие место в нашей литературе⁴⁹, совершенно не связаны с выявлением каких-либо новых фактов. Они прежде всего объясняются различным методологическим подходом к вопросу об оценке характера революции, а в последнее время попросту нежеланием некоторых товарищей отойти от буквы «Краткого курса».

Ясно, что до тех пор, пока мы не уточним, что характер революции определяется не ее результатом, а исключительно действиями большинства народа во время революции, до тех пор спор будет беспредметным.

Приверженцы оценки Ноябрьской революции как лишь буржуазной, но не буржуазно-демократической, согласны с тем, что германский пролетариат не мог не наложить и действительно наложил печать своих требований на ход революции в Германии⁵⁰. Но тем самым они (исходя из ленинского критерия) лишь признают, что в Германии в 1918—1919 гг. и не могло быть иной революции, кроме буржуазно-демократической либо социалистической, причем если бы германский пролетариат придал своим требованиям «такой размах, такую силу, чтобы развернуть могучую народную революцию»⁵¹ (чего в Германии, за исключением первых нескольких дней революции, как нам кажется, не было), то это могло лишь означать социалистическую революцию.

Все сказанное об особенностях каждого из периодов революции позволяет сделать вывод, что характер революции не был неизменным на всех этапах. То обстоятельство, что реальная сила и власть в начале революции находились в руках большинства местных Советов, которые были созданы рабочими, матросами и солдатами с целью уничтожения капиталистических общественных порядков, означает, что Ноябрьская революция началась, по сути дела, как пролетарская. Однако дальнейшее развитие социалистической революции было сразу же предано, пресечено возглавившими революцию после образования Совета народных уполномоченных социал-демократами. С этого времени революция продолжала свое развитие как буржуазно-демократическая, причем не столько из-за действий правительства, сколько главным образом вследствие того, что Советы начали сдавать свои позиции и активность большинства рабочего класса во втором и в третьем периодах революции не вылилась в попытки разрушения буржуазных общественных отношений. На третьем этапе буржуазно-демократический характер революции сочетался с разрозненными локальными попытками меньшинства пролетариата перевести ход событий на рельсы пролетарской революции.

Ноябрьская революция победила в том смысле, что она свергла монархию и решила часть других буржуазно-демократических задач. В то же время итоги Ноябрьской революции до такой степени не соответствовали ее главной задаче и возможностям, что в этом смысле можно говорить о поражении Ноябрьской революции.

⁴⁸ «Известия», 12 ноября 1918 г. (см. В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, 3-е изд., стр. 514, приложения); см. также В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 391.

⁴⁹ См., например, К. Шелавин. Указ. соч. Ч. I. Л. 1929, стр. 5 (Ноябрьская революция здесь характеризуется как пролетарская); статьи: К. Патрик. К оценке германской революции 1918 г. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. 1939, стр. 278, 279; С. Ленчнер. Крестьянский вопрос в германской революции 1918 года («Историк-марксист», 1941, № 3, стр. 68). Революция в Германии характеризуется в этих работах как буржуазно-демократическая.

⁵⁰ Г. Ф. Заставенко. Дискуссия на кафедре новой истории. «Вестник МГУ», 1954, № 7, стр. 140.

⁵¹ Там же.